

Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя... но
клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить
отечество или иметь другую историю, кроме истории наших
предков, такой, какой нам Бог ее дал.

А.С. Пушкин

Да разве найдутся на свете такие огни, такие муки и такая
сила, которая пересилила русскую силу!

Н.В. Гоголь

Островитяне

Бесснежных бархатных зим в Сибири не случилось. Но в тот год намело — заплоты укутало.

Давно, еще до революции, доктор Василий Кузьмич Привалов читал в литературных журналах рассказы писателей об изнурительной русской зиме. Когда дома под крышу засыпаны снегом, окна в тесных, душных, полутемных избах оледенели, делать нечего, из-за сонной одуряющей лени все давно переругались, помирились и снова переругались, когда все сказки рассказаны-перерассказаны, сплетни, домыслы и вымыслы в самой чудовищной форме уже сто раз обмусолены, когда сельская интеллигенция, вроде учителя и фельдшера, опухла от пьянства и перестала терзаться связью с самыми низкими деревенскими бабами, когда кажется, что мир кончился и просвета не будет... в рассказах наступает весна, бегут ручьи — и жизнь, чистая, веселая и радостная, возобновляется...

Если бы Медведевы познакомились с этой литературой, они бы сказали: «Так оно в Расее, а не у нас в Сибири». Сибиряки горды и честолюбивы до ханжества.

Дом Анфисы Ивановны Медведевой с большим крытым подворьем существовал даже не в хуторной, а в островной изоляции, на самообеспечении. Дров и припасов было заготовлено столько, что до весны могли бы и вовсе не выходить за ворота. Будь ее воля, Анфиса так бы и по-

ступила. Хозяйство, дом, семья были ее миром, а извне приходили новости большей частью дурные. К тем, что на первый взгляд казались хорошими, Анфиса относилась настороженно. Слишком часто за последние годы надежды крестьян оборачивались бедами. Сибирские старожилы никогда не просили помощи у государства, только б оно, государство-правительство, не мешало жить по вековечному укладу — по незабываемым понятиям достойного неторопливого хода вещей.

Хотя Анфисин муж Еремей Николаевич был жив-здоров и именно он выстроил чудо-дом, второго такого не сыскать, их жилище односельчане называли «дом Анфисы Турки», как бы признавая ее главенство в семье.

Никто праздности не знал: мужики постоянно что-то строгали, чинили, ремонтировали, шили кожаную обувь, катали валяную. Женщины пряли, ткали, вязали, вышивали, чинили одежду.

Василий Кузьмич Привалов никогда не интересовался этнографией, но как врача и физиолога его поразили тот факт, что коренные сибиряки, живущие в суровом климате, практически никогда не обмораживались, не замерзали в тайге на охоте. Дело было в одежде.

Еремей Николаевич говорил: «Сибиряк не тот, кто мороза не боится, а кто умеет мороза хорониться».

Одежда была теплой и при этом легкой, не стеснявшей движения; она защищала от ветра, от попадания снега за ворот и не вызывала усиленного потоотделения. На всякую погоду: от стужева (мороза с туманом) до непроглядной метели, от буса (мелкого дождя с порошей) до сорокаградусного мороза в солнечный день — имелась одежда. Кафтаны, шубы, полушубки, тулупы были нагольные и «крытые», то есть с холстом, дабой или фабричным сукном. Самая теплая верхняя одежда — доха — шилась из меха собак или диких животных, доходила до пят, имела широкий ворот и большой запах. В сибирской дохе,

укрывшись вдобавок медвежьей полостью, можно было без опаски ехать в санях по зимнику в любой мороз. И женщины, и мужчины носили чулки — суконные, шерстяные, сермяжные; на промысел в тайгу — лосиные или сшитые из овчины; в морозы — кулемишки из собачьей шкуры. В доме Анфисы топили жарко, но по полу все-таки несло холодом, и все без исключения были обуты в легкие пимы из оленьего меха.

Весьма разумно, с точки зрения доктора Привалова, сибиряки защищали от переохлаждения конечности и голову. Зимней обуви и шапок у Анфисы имелось по два сундука и еще один с рукавицами множества видов: вареги, верхницы, волосянки, вязанки, выподки, голицы, исподки, лохматейки, шубенки...

Вся зимняя одежда была к сезону высушена, починена, обновлена.

— Твоя мать могла бы нарядить взвод солдат для зимней кампании, — как-то сказал Василий Кузьмич Нюране.

— Вы еще праздничной не видели. Ах, какая у меня соболья шубка, крытая синим сукном и стеклярусом вышитая! Но я из нее выросла, а мама новую не хочет справлять! Говорит, времена нынче скромные. Если эти времена до моей старости продлятся, так и ходить в заячьем тулупчике?

Пятнадцатилетняя Нюраня вступила в возраст, когда девка с матерью противоборствует. Сама Анфиса в ее годы выказывала большое противление, но давно забыла о своей девичьей строптивости, о том, как подмяла под свою волю и мать, и отца. Теперь Анфисе казалось, что дочь блажит, дурью мается, за это и получает по заслугам.

Еще с осени Нюраня на супрядки просилась. Мать не пускала, теперь супрядки не как прежде: молодые мужики, жен дома оставив, на них ходят, пацанва безусая, вдовицы легкого поведения и прочие оглодыши-переселенцы. Не компания это ее дочери! И нет пригляда, то есть надежного

и подходящего человека, который, случись что, Нюранино достоинство защитил бы.

— Сама за себя постоять могу! Я не маленькая! — голосила дочь.

Но мать к ее воплям была равнодушна. Только грозила:

— Без спросу сбежишь — я с тебя шкуру спушшу и обратно не надену! Лихотит ее! В башке ветер, в заду ум.

У отца Нюраня защиты и поддержки не искала. Тятя не боится мамы, но не любит с ней связываться. Вмешивается только в крайнем случае, когда мамина несправедливость совсем уж вопиюща. Просить тятю о том, чего он не желает делать, бесполезно. Скажет что-нибудь вроде: «Не переживай, устаканится». Когда? Когда ей, Нюране, двадцать лет стукнет, когда постареет?

Но был еще брат Степан, который с матерью штыками скрещивался без опаски. К нему-то Нюраня и бросилась за справедливостью. Братка не подвел.

— Пусть Аким и Федот с ней на супрядки ходят, — предложил Степан матери и напомнил: — Ты ж сама говорила, что они, глядишь, и женятся.

Присутствовавшие при разговоре, сидевшие на лавках работники Аким и Федот, чинившие обувь, замерли с большими иголками в руках и стали похожи на скульптуры под названием «Сапожники за работой». Они-то, конечно... и всегда... любой приказ хозяйки... Но на гульбища ходить?! По возрасту Акиму и Федоту пятидесяти не исполнилось, а по душе — глубокие старики, ничего от жизни не ждущие.

Пойманная на слове Анфиса прекрасно поняла по застывшим позам работников, как им «нравится» перспектива супрядки посещать.

— Дык я работникам на досуг не указчица, — ответила она сыну. — Им твоя революция как пролетариям тоже права дала. Али нет-ка?

И тут вступила Нюраня: подскочила к работникам, стала обнимать их, руки молитвенно заламывать, причитать:

— Дядечка Акимушка! Миленький дядечка Федотушка! Хорошенькие, родненькие! Пожалуйста! Ой, не дайте мне погибнуть-усохнуть, годы мои молодые загубить!

Нюраню все любили. Отец называл ее «наша солнечная соловушка». Влетит в избу — и точно светлей становится. Защебечет — и, толком не понимая смысла ее девичьих трелей, все улыбаются. Прасковье, жене Степана, золовка напоминала ее девичьи светлые годы. Марфе, супруге второго брата, Петра, мечты навевала: она, Марфа, такой же беспечно-радостной была бы, пошли ей судьба других родителей. Петр, которого сестра была на несколько лет младше, воспринимал Нюраню отчасти как мать, только не строгую-неприступную, как настоящая мать-Анфиса, а ласковую, дурашливую и по-доброму насмешливую. Отец и Степан, видя Нюраню, слухом и взором наслаждались, как наслаждаются ростом-взрослением певчей птицы. В то же время они понимали: не будь ежовых рукавиц, в которых Анфиса держала дочь, из той вполне могла бы вылупиться капризная своевольница. Всех устраивал расклад: они Нюраню балуют, а мать в строгости держит. Никому не приходило в голову, что баловать легко, а строжить душевно растратно.

— Ну-дык, я чего... я не против-то, — сказал Аким.

— Ежели не часто, — согласился Федот.

— Ура! — запрыгала Нюраня.

В ней было столько энергии, что прыгала она, точно молодая коза, по любой радости.

Степан победно посмотрел на мать: моя взяла. Анфиса пожалала плечами: по моему допущению. В противостоянии матери и сына компромиссы были редки и нисколько не сглаживали главных противоречий.

Так и повелось, что на супрядки Нюраню сопровождали Аким или Федот, по очереди. Нюраня сбивала каблуки сапожек в танцах, хохотала в играх, а кто-то из работников сидел в углу, дремля одним глазом, а вторым наблюдая за

происходящим. Молодые и особенно средних лет бабы, которых в Погорелове был излишек — сверстников-то выкосило в войнах, революциях и восстаниях, — скоро поняли, что Аким и Федот не по амурной части. Сивые мерины, которых охолостила то ли судьба, то ли известная своей властностью Анфиса Турка.

Максимка Майданцев не побоялся Нюраниных телохранителей и несколько раз после супрядок провожал ее до дома.

Федот почему-то донес об этом не Анфисе, от которой у него секретов раньше не было и которую он слушался как верный пес, не Еремею Николаевичу, который был формальным главой семейства, а Степану:

— Майданцевский парнишка клинья под Нюраню бьет. Присмотрись.

«Из хорошего старого сибирского рода парень» — первое, что пришло Степану в голову. И тут же он ругнул себя с досадой: рассуждает, как мать, которая к людям точно к скотине относится — своих коров с какими попало быками на вязку не допустит и племенного быка Буяна не даст на спаривание с соседскими худосочными телками, чтобы породу не портили, чтобы потом никто не упрекнул, Буян-де семенем ослаб.

Вспомнилось Степану, как возникла у него много лет назад, уже после службы в Красной армии, симпатия к Татьянке. Милая девушка, легкая, прозрачная. Степан увидел ее на закате. Растянувшейся толпой народ возвращался с сенокоса. И Татьяна просвечивалась, одну ее среди всех солнце золотыми лучами пронизывало. Хрупкую, точно бескостную, сотканную из воздуха. Степана всегда нежно-беззащитные девушки привлекали.

Мать чутьем своим звериным о его симпатии узнала. Он сам-то еще толком с чувствами не определился, а мать выплюнула: «Татьянкин род порченный, ее прабабка и сестра прабабки до сорока пяти не прожили, от рака

грудей померли». Какие прабабки с грудями? Чушь! Он был слишком занят установлением советской власти и не заметил, что Татьяна исчезла — сосватали в соседнее село. Наверняка мать постаралась. Татьяна умерла два года назад. Первенца родила и преставилась...

Однако Прасковью матери не удалось вытравить! И не мать ему, а сам он себе выбрал суженую!

Что же касается Максима Майданцева, то в классовом понятии этот парень в правильном русле, комсомолец. Вячейке Коммунистического союза молодежи пока дюжина ребят, из них семеро парней. Степан с ними не только беседы на политические темы вел. Брал парней на охоту, все они были безотцовщина. Тайга и река сибиряка всегда прокормят, однако нужно, чтобы с молодых лет тебя обучили, как зверя бить и рыбу ловить. Но мужиков выкосило, связь поколений нарушилась. Ходить к чужому дяде на поклон — «возьмите на охоту» — было не принято. Степан считал своим долгом не только классовое самосознание у молодежи развивать, но и прививать им достоинство, которым сибиряки всегда отличались. А достоинство без знаний и умений — одно бахвальство. Как у казаков.

Казачьих станиц вокруг много, и в них та же картина — что ни дом, то вдовицы. Казаки тоже древних родов, но полувоенных. Сибирские старожилы казаков не жаловали за их подневольность, а казаки презирали «гражданских» за штатскую расхлябанность. Но все это было на уровне слов, насмешек. Те и другие одинаково презирали переселенцев. Так вот, у казаков кичливость в крови. Парнишка от горшка два вершка, половины букв не выговаривает, порты первые ему только вчера надели, а он уже нос задирет: «Я казак!»

Когда осенью подморозило и падера (первый снежок) закружила, Степан с четырьмя ребятами-комсомольцами завалил на охоте матерого сохатого. Едва доволокли. Степан убоины себе не взял, на молодых охотников разделил.

Тетя Аксинья Майданцева, бабка Максима, очень Степана благодарила, в пояс кланялась. Это ведь много мяса, его на куски порежут, в воду окунут, дадут обледенеть и в кадки сложат, снегом пересыпав, — надолго хватит. В сибирском климате без мяса никак нельзя. Майданцевым еще и шкура досталась, поскольку первый выстрел, достигший лося, был Максимкин.

Степан часто лукавил, приписывая те или иные хорошие дела новой власти.

— Не меня благодарите, тетка Аксинья, а партию. Партия нас призывает всячески поддерживать и обучать сознательную молодежь.

— Ну да, ну да! И партии спасибо! — закивала тетка Аксинья, хотя и с меньшим энтузиазмом.

— Молодежь объединится в коммунистические союзы и бодро пошагает к светлому будущему.

— А в лес она пошагать не может? Боюсь, дров до весны не хватит, придется сеник ломать.

— Будут вам дрова, — пообещал Степан.

Положа руку на сердце, он не мог бы сказать, что комсомольцы такие уж верные ленинцы. Вместо собрания с повесткой дня «Текущие политические задачи» могли побежать на супрядки. А если из комсомольцев кто-то женился или выходил замуж, те и вовсе забывали о своем членстве в РЛКСМ. Загорелись ставить комедию Гоголя «Ревизор», но после трех репетиций скисли. Женских ролей мало, всего две, девушки заскучали. Парней не заставишь слова учить, да и юмор у Гоголя несмешной.

Степан привез им из Омска пьесу «Конец мироеда» какого-то молодого революционного автора. Там фигурировали кулак, его жена и три их дочери, а также комсомольский вожак, влюбленный в одну из дочерей и пытающийся вырвать девушку из застенков контрреволюционного семейства, да взвод красноармейцев, который периодически выскакивал на сцену, но слов не имел, как и

девушки-комсомолки в красных косынках. Еще были трясущийся старик, тоже кулак, за которого отец хотел выдать дочь, и поп-пропойца в грязной рясе и с красным носом.

Отца-кулака играл невысокий круглолицый парнишка, под рубаху на живот и в штаны на задницу ему подкладывали подушки, чтобы был уродливо толстым. Его жену представляла Нюраня. Дрынношшепина (так у них называли высоких худых девушек) Нюраня была на голову выше «мужа». Говорила она визгливым противным голосом и вставляла в исходный текст слова и выражения из арсенала родной мамы. Максимка с наклеенной белой бородой изображал жениха-миroeда и так трясся «от старости», что все впокатуху падали. В финале пьесы — естественно, счастливом — все актеры выходили на сцену и пели революционную песню. Причем лучше всех пели кулак-отец, мироед-жених и поп, обладавшие хорошими голосами.

После веселых репетиций мчались кататься на санях или с горки.

Анфиса дочери еще осенью, когда комсомольцы в престольный праздник организовали антирелигиозное шествие, велела и думать забыть про комсомол. Как и большинство сибирячек, Анфиса не была истово верующей, но богохульство приравнивала к разврату. Хватит им одного Степана-безбожника! Ее дочери не место в компании, где хулят Господа, а вместо Библии подсовывают Карлу Марксу! Поэтому Нюраня держала в секрете свои драматические занятия. Аким и Федот, сопровождавшие ее в дни, когда репетиции проводились вечером, тоже помалкивали. Что супрядки, что спектакли — их дело следить, чтобы девчонку не обидели, и до дома ее в сохранности доставить.

Премьеру планировали на Крещение. Играть будут в школе. Мама наверняка на представление не отправится, а пока ей донесут добрые соседки, еще время пройдет. Наказание за прошлое не бывает строгим, да и Степан заступится.